

ЭЛИЗАБЕТ

ГАСКЕЛЛ

*ДОМ НА ВЕРЕСКОВОЙ
ПУСТОШИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Элизабет Гаскелл

Дом на вересковой пустоши

«Издательство АСТ»

1850-1855

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гаскелл Э.

Дом на вересковой пустоши / Э. Гаскелл — «Издательство АСТ»,
1850-1855 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-178951-0

После смерти отца Мэгги Браун живет с матерью и братом Эдвардом в уединенном домике посреди вересковой пустоши. Честная и трудолюбивая Мэгги мечтает о материнской заботе и поддержке, но миссис Браун всю свою любовь тратит на растущего избалованным эгоистом Эдварда. Женщина и от дочери ожидает аналогичного отношения к брату, но можно ли обрести личное счастье, отказавшись от собственного будущего в пользу другого человека? В данное издание также вошли рассказы «Лиззи Ли», «Сердце Джона Миддлтона», «Мортон-Холл» и «Полжизни назад».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-178951-0

© Гаскелл Э., 1850-1855

© Издательство АСТ, 1850-1855

Содержание

Дом на вересковой пустоши	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Элизабет Гаскелл
Дом на вересковой пустоши

© Перевод. Е.А. Ильина, 2025

© Перевод. Е.Н. Пономаренко, 2025

Школа перевода В. Баканова, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Дизайн обложки В. Воронина

Дом на вересковой пустоши

Перевод Е.А. Ильиной

Глава 1

Если вы пройдете через крытые ворота кладбища при церкви Комбхерст и свернете налево, то окажетесь перед деревянным мостом через ручей. Держитесь тропинки, что бежит по краю поля и поднимается все выше и выше, и через полмили или около того окажетесь на продуваемом всеми ветрами обширном лугу, поросшем сочной травой, где пасутся стада овец. Если посмотреть отсюда вниз, то можно увидеть красивый тонкий шпиль церкви. За лугом расстилается пустошь с пестревшими тут и там кустиками золотистого утесника и лилового вереска, наполняющими своим теплым благоуханием тихий неподвижный воздух. Похожая на гребень волны вершина холма, четко вырисовывавшаяся на фоне неба, почти слилась с линией горизонта, прерывавшейся в одном месте небольшим сосновым бором, который даже в полдень кажется темным и тенистым, в то время как окружающая его местность купается в золотистом солнечном свете.

Откуда-то с неба льется звенящая переливчатая трель жаворонка, порхающего так высоко в ослепительной синеве, что его не увидать невооруженным глазом. Но вот смотрите: он появился и, словно не желая покидать этого сияющего великолепия, медлит, паря в заоблачной выси, – а потом внезапно камнем падает в свое гнездо, спрятавшееся в зарослях вереска, невидимое никому, кроме Божественного провидения и ярких жучков, ползающих вверх и вниз по гибким цветочным стеблям.

Подобно падению жаворонка тропинка резко ныряет вниз и сбегает по зеленому склону в некое подобие долины, окруженной поросшими травой холмами. И вот там, в этой долине, возвышается небольшой домик – нечто среднее между коттеджем и деревенской избой. Фермой это строение тоже не назовешь, хотя вокруг и бродит всякая живность.

Это жилище принадлежит, или, вернее, принадлежало в то время, о котором я веду свой рассказ, миссис Браун, вдове покойного викария Комбхерста. Здесь она жила вместе со своей старой преданной служанкой и детьми – сыном и дочерью. Этот уединенный домик, расположенный в укрытой от посторонних глаз долине, напоминал один из тех, что описываются в старых немецких сказках. Раз в неделю маленькое семейство нарушало свое уединение, чтобы пересечь пустошь и оказаться на вершине холма, куда доносились первые переливчатые удары церковных колоколов, созывавших паству на службу.

Миссис Браун всегда шла первой и вела за руку Эдварда. Старая служанка Нэнси следовала за ней рука об руку с Мэгги. И все же эти четверо держались вместе и переговаривались тихими, приглушенными голосами, как и подобало в такой день. Впрочем, им почти нечего было сказать друг другу, поскольку их жизнь протекала слишком уж размеренно и однообразно, и за исключением воскресений вдова и ее дети в Комбхерсте не появлялись. Многие сочли бы городок тихим, сонным местом, но для этих двух детей он казался огромным миром, и, перейдя через мост, они крепче сжимали руки взрослых и робко поглядывали из-под полуопущенных век, когда с ними заговаривал кто-то из друзей матери.

Каждый раз после утренней службы кто-нибудь из жителей обязательно приглашал миссис Браун на обед, но она каждый раз отвечала отказом, к немалому облегчению слишком застенчивых детей. Правда, в течение недели они иногда тихонько говорили, что с удовольствием отправились бы на обед к мистеру Бакстону, в доме которого жила маленькая девочка в белом платье и красивый высокий мальчик, но вместо миссис Браун, того чтобы принять

приглашение мистера Бакстона или кого-нибудь другого, считала своим долгом отправиться на кладбище и поплакать на могиле мужа. Этот обычай возник из искренней скорби по поводу его утраты, ибо более доброго и достойного человека не было на всем белом свете. Только вот искренность ее горя обесценивалась чрезмерным вниманием к тому, как оно проявлялось. Перед ней расступались, чтобы она смогла пройти по траве к могиле мужа, и, полагая, что от нее ожидают именно этого, миссис Браун обзавелась привычкой, о которой я уже упомянула. Державшие ее за руки дети испытывали благоговение и вместе с тем, чувствовали себя неловко и остро осознавали, как часто на их скорбную процессию устремлялись взгляды окружающих.

– Мне бы хотелось, чтобы по воскресеньям всегда шел дождь, – сказал как-то раз Эдвард своей сестре Мэгги, когда они, по своему обыкновению, сидели в саду.

– Почему? – спросила девочка.

– Потому что тогда мы очень быстро вернулись бы домой, чтобы мама не намочила траурное платье. К тому же нам не пришлось бы идти на кладбище и плакать на папиной могиле.

– Я не плачу, – сказала Мэгги. – А ты?

Оглядевшись по сторонам, дабы убедиться, что его никто не услышит, Эдвард ответил:

– Я очень долго горевал по папе, но нельзя же горевать вечно. Хотя взрослые, наверное, могут.

– Например, мама, – сказала малышка Мэгги. – Иногда мне тоже становится очень грустно, особенно когда я остаюсь одна, играю с тобой или просыпаюсь ночью от лунного света, проникающего в нашу комнату. Ты когда-нибудь просыпался от того, что тебе казалось, будто папа тебя зовет? У меня такое бывало. И тогда меня охватывала печаль при мысли, что мы никогда больше не услышим, как он нас зовет.

– У меня, знаешь ли, все по-другому. Обычно он звал меня садиться за уроки.

– Меня отец иногда окликал потому, что я его чем-то рассердила, но во сне он всегда зовет нас своим добрым голосом, как звал когда-то, когда хотел взять нас на прогулку или показать что-то интересное.

Эдвард молчал, рассматривая что-то на земле, наконец, опять оглядевшись и убедившись, что их никто не подслушивает, прошептал:

– Мэгги, знаешь, иногда мне бывает совсем не жаль, что папа умер. Ну... когда я шалю. Будь он жив, ужасно бы рассердился. И я думаю, но только иногда: хорошо, что его здесь нет.

– О, Эдвард! Ты ведь так не думаешь, я знаю. Давай больше не будем о нем говорить: мы еще слишком малы, чтобы это обсуждать. Пожалуйста.

Глаза бедной маленькой Мэгги наполнились слезами, и она больше никогда не говорила с Эдвардом или с кем-то еще о своем покойном отце. По мере того как она выросла, на ее плечи ложилось все больше домашних дел. Дом, хозяйственные постройки, сад и поле были собственностью семьи Браун, и домочадцы жили за счет того, что сами же и производили. Корова, свинья и домашняя птица отнимали у Нэнси большую часть времени, а миссис Браун и Мэгги приходилось выполнять всю работу по дому. Застелив постели, Мэгги убирала комнаты, вытирала пыль, потом готовила обед и лишь после этого могла, наконец, сесть за уроки, если, конечно, у нее оставалось на это время.

Эд же, очень гордившийся тем, что родился мальчиком, все утро сидел в отцовском кресле в небольшой библиотеке и «приобретал знания», как он предпочитал это называть. Иногда Мэгги просовывала голову в дверь с просьбой помочь ей отнести наверх тяжелый кувшин с водой или выполнить мелкую работу по дому, и он обычно откликался на ее просьбы, но при этом так сетовал, что его оторвали от важного занятия, что, в конце концов, Мэгги поклялась никогда его больше ни о чем не просить. Это было сказано очень мягко, но Эд, услышав в словах сестры упрек, предпринял попытку оправдаться.

– Видишь ли, Мэгги, мужчина должен получить образование, чтобы стать джентльменом, в то время как женщине нужно всего лишь уметь содержать дом – большего от нее не требу-

ется, – поэтому мое время более ценно, нежели твое. Мама говорит, что я поеду учиться в колледж и стану викарием, а значит, мне необходимо продолжать изучение латыни.

Мэгги молча ему подчинилась, а потому, когда утром следующего дня брат встретил ее у колодца и забрал тяжелый кувшин, наполненный ключевой водой для приготовления обеда, девочка сочла это актом снисходительного великодушия с его стороны.

– Давай поставим его в тень позади коновязи. О, Мэгги, посмотри, что ты наделала: все разлила! А все из-за того, что недостаточно быстро обернулась, когда я тебя окликнул. Теперь тебе придется заново наполнить кувшин, но я больше помогать не стану.

– Я просто не сразу тебя поняла, – тихо сказала девочка, но Эд уже развернулся и с видом оскорбленного достоинства направился к дому. Мэгги же не оставалось ничего другого, кроме как вернуться к колодцу, в небольшую каменистую ложину на приличном расстоянии от дома и снова наполнить кувшин. Здесь царила приятная прохлада, а она так разгорячилась на солнце, что присела в тени утеса из серого известняка и посмотрела на пушистые стебли папоротника, мокрые от капавшей на них воды. Девочке было очень грустно, хоть она и не могла бы сказать, почему.

Каким злым иногда бывает Эд! Мэгги не поняла, что он понес кувшин сюда. Наверное, как говорит мама, она просто неуклюжая. И брат тоже. А вот Нэнси и папа никогда так про нее не говорили. Жаль, что она такая растяпа. Как бы ей хотелось это изменить! Но Эд говорил, что все женщины такие. И почему она не родилась мальчишкой? Наверное, так хорошо быть мужчиной! О господи! Теперь опять придется тащиться вверх по полю с этим тяжелым кувшином, а у нее уже и так болят руки!

Поднявшись, девочка побрела вверх по склону, и вскоре до ее слуха донесся крик матери:

– Мэгги! Мэгги! У нас совсем не осталось воды: вскипятить чай, – а картошка почти сварилась. Ну где этот ребенок?

Когда девочка, запыхавшаяся и усталая, спустилась на кухню, после того как вымыла руки и причесалась, все уже сидели за столом.

– Мама, – обратился к матери Эд, – можно немного масла? А то мясо холодное, а картошка такая сухая.

– Конечно, дорогой. Мэгги, ступай принеси кусок масла из маслобойни.

Не успев притронуться к еде, та безропотно поднялась из-за стола.

– А ну-ка стойте, дитя! – остановила ее в коридоре Нэнси. – Возвращайтесь за стол: я сама схожу за маслом. Вы сегодня достаточно набегались.

Но Мэгги не решилась вернуться без масла и осталась в коридоре, дожидаться Нэнси. Добрая старая служанка поцеловала ее в лоб и пробормотала себе под нос, прежде чем вернуться в кухню:

– Ну что за милое дитя!

Мэгги с легким сердцем вернулась в столовую.

Когда обед закончился, девочка помогла матери вымыть старинные стаканы и ложки, с которыми в этом бережливом семействе обращались очень заботливо и содержали в идеальной чистоте. Затем, сменив свой передник на фартук из черного шелка, Мэгги уселась за шитье. Стежки у нее получались ровными и аккуратными, как того требовала мать. Таким образом, весь ее день был заполнен полезными делами, но маленькая Мэгги выполняла свои обязанности с удовольствием и считала свое детство в отчем доме самым счастливым и беззаботным временем, хоть забот у нее и хватало.

В погожие летние дни Мэгги выходила с рукоделием на улицу. Сразу за их огородом расстилалась каменистая вересковая пустошь, пестревшая разноцветьем. Но если двор украшали кусты нуазетовых роз, летнего кипариса, парковых роз и высоких белых лилий, то на вересковой пустоши можно было встретить ароматную стелющуюся розу с маленькими тугими бутончиками, разбросанные тут и там кустики жимолости и заросли лилового ладанника. Выступавшие

из земли валуны были покрыты желтыми шапками заячьей капусты и пылавшего багровыми листьями журавельника. Вот на одном из таких валунов и сидела Мэгги. Думаю, она считала этот валун своей собственностью, и потому очень его любила, хотя на самом деле он, равно как и вся эта земля, принадлежал какому-то знатному лорду, который жил где-то далеко и ни разу не видел ни этой пустоши, ни возвышавшегося на ней серого валуна.

В тот день, о котором я веду свой рассказ, Мэгги сидела на валуне, держа в руках работу и тихонько напевая себе под нос. Дом был совсем рядом, и потому девочка прекрасно слышала доносящиеся из него звуки, приглушенные расстоянием.

Игравший неподалеку Эдвард то и дело взывал к ее сочувствию, и она с готовностью его утешала.

– Интересно, как это корабли удерживаются на плаву? Я отнес свой на пруд, но он всякий раз, когда опускаю его на воду, переворачивается.

– Может, тебе чем-то нагрузить свою лодку, чтобы придать устойчивости?

– Сколько раз можно повторять: не называй мой корабль лодкой! Нельзя же быть такой бестолковой.

Эдвард хоть и нагрубил сестре, но не подал виду, что ее идея с грузом весьма удачная, а направился к дому поискать что-нибудь подходящее. Покопавшись, но так ничего и не обнаружив, он вернулся к валуну и заметил, что земля возле него усеяна мелкими камешками, только вот они слишком прочно засели в почве и выковырнуть ни одного не удалось.

– Предположим, я воспользуюсь твоим советом нагрузить корабль. Что, по-твоему, туда можно положить? – нехотя обратился он к сестре.

Мэгги на мгновение задумалась.

– Может, дробь?

– Как раз то, что нужно, но только вот где ее раздобыть?

– У папы осталось немного: в кулке из газеты лежит в правом углу второго ящика бюро.

– Вот черт! Как ты запоминаешь эту чепуху: право, лево, второй ящик, первый...

Он принялся опять ковырять камни, но они не поддавались.

– Я знаю, ты очень добрая, Мэгги! Не могла бы ты сама сходить за дробью?

– Эд, у меня столько дел! Мама сказала, что этот длинный шов должен быть готов до вечернего чаепития, а потом я могу немного поиграть.

Мэгги ужасно не хотелось отказывать брату, но у нее не было выхода.

– Это займет не более пяти минут.

Девочка призадумалась. Ведь не страшно, если она поиграет чуть меньше. Эдвард говорит, что очень занят, и ему действительно нужна дробь. Она поднялась с камня и принялась взбираться по поросшему травой склону, скользкому от жары.

Не успела она открыть ящик, как до ее слуха донесся голос матери: торопливый и приглушенный, словно она хотела, чтобы ее услышал только тот, к кому обращалась.

– Эдвард, сынок, иди сюда скорее! По Фелл-лейн идет мистер Бакстон, и как пить дать, направляется сюда. Ну же, поторопись!

Мэгги увидела, как брат положил свой кораблик на землю и пошел к дому. Он определенно слышал голос матери, но все же старался показать, что решил вернуться по собственной воле, и потому поднимался по склону неторопливо и независимо, непринужденно сунув руки в карманы. У Мэгги больше не было времени наблюдать за братом: ее тоже позвали, – и она поспешно сбежала по лестнице вниз.

– Помоги-ка Нэнси приготовить поднос с чаем, – заметно нервничая, сказала мать. – И поторопись. К нам идет мистер Бакстон. О, Эдвард! Ступай причешишься да надень свой воскресный костюм, а я побегу сменю чепец. Ты, Нэнси, скажешь гостю, что поднимешься ко мне и доложишь о его приходе, чтобы все было как полагается.

– Будьте покойны, мэм. Я и прежде жила в приличных семьях, – сварливо пробурчала служанка.

– Да, мне об этом известно. Да не забудь принести вина из примулы. Жаль, что я не успела заготовить портвейн.

Мэгги и Нэнси так увлеклись приготовлениями к визиту высокого гостя: сновали с кухни на маслобойню и обратно – что не заметили его самого. Обнаружив, что дверь не заперта, как это было принято в провинциальных городках, мистер Бакстон вошел в дом, останавливаться в пустой гостиной не стал и отправился на звук голосов. И вот теперь стоял, слегка согнувшись, под низким косяком кухонной двери, полностью закрывая проем, и весело взирал на происходящее.

– Господи помилуй, сэр! Как же вы меня напугали! – воскликнула Нэнси, заметив стоявшего в дверях мужчину. – Обождите минуту, я сообщу миссус о вашем приходе.

Служанка ушла, оставив Мэгги наедине с этим крупным высоким широкоплечим джентльменом, улыбавшимся ей из дверного проема. Она же молча продолжала с невероятным усердием протирать бокал для вина.

– Отличная работа, детка! – раздался красивый звучный голос. – Полагаю, он уже чистый. Давай-ка ты мне покажешь, где тут у вас гостиная: мне бы присесть и отдохнуть. Путь к вам неблизкий – устал.

Мэгги послушно проводила гостя в гостиную, где было свежо и прохладно даже в самые жаркие дни. В вазе на столе стоял большой букет роз, источая нежный аромат, переплетавшийся с благоуханием садовых цветов, залетавшим вместе с ветерком в распахнутые окна. Мистер Бакстон был очень крупным, а гостиная настолько маленькой, что Мэгги испугалась, как бы, уходя, он не унес их дом на спине подобно тому, как улитка – свой панцирь.

– А вы весьма симпатичная маленькая дама, – заметил гость, потянувшись (что было вовсе не обязательно), и расстегнул жилет. – Каким прозрачным и чистым стал этот бокал! Может, наполнишь его водой? Только именно тот, который ты с таким усердием вытирала. Я его непременно узнаю.

Мэгги обрадовалась возможности выскользнуть из гостиной, и в коридоре встретила мать, уже в другом платье, не только чепце. Прежде чем позволить дочери вернуться в гостиную с водой, Нэнси пригладила ее коротко подстриженные блестящие волосы, и этого оказалось достаточно, чтобы придать ее образу опрятности. Мэгги старательно пыталась найти тот самый бокал среди стоявших на подносе шести одинаковых, опасаясь, что Нэнси была недостаточно правдива, когда сообщила, что поставила его к остальным, после того как обнаружила на туалетном столике, возвращаясь от госпожи.

Мэгги гордо внесла бокал с водой в гостиную, чрезвычайно довольная, что он такой чистый и прозрачный. Мать сидела на краешке стула, изъясняясь непривычно витиевато, голосом, который стал каким-то тонким и пронзительным. Эдвард стоял рядом с мистером Бакстоном во всем своем воскресном великолепии и выглядел счастливым, и сознавая всю важность момента. Но когда вошла Мэгги, гость жестом велел Эдварду отойти и усадил ее к себе на колени. Девочка сидела, точно на вершине славы, но поскольку не решалась устроиться поудобнее, стул, по ее мнению, был бы предпочтительнее коленей гостя.

– В качестве учредителя я имею право выбора кандидата и очень рад сделать это ради моего старого друга. Моему юному избраннику предстоит выдержать несложный экзамен, и тогда перед ним откроется большое будущее, я в этом не сомневаюсь. О, какое восхитительное игристое вино, но, благодарю, налейте мне совсем немного. А этот имбирный пряник похож на те, что я ел в детстве. Моя маленькая леди должна изучить рецепт и приготовить мне такой. Она согласна?

– Поговори с мистером Бакстоном, дитя, ведь он так добр к твоему брату! – украдкой вытирая глаза, сказала миссис Браун. – Ты непременно испечешь ему имбирный пряник – я ничуть в этом не сомневаюсь.

– Если получится, – ответила Мэгги, робко опустив голову.

– Или вот что я тебе скажу: что, если ты придешь к нам и научишь печь такое замечательное лакомство нашу кухарку? И тогда у нас всегда будет вдоволь имбирных пряников. Да, полагаю, так будет лучше всего. Как думаешь, мама позволит тебе посетить Комбхерст, чтобы мы все смогли познакомиться поближе? Со мной живут замечательные дети: мальчик и девочка, – которые будут очень рады тебя повидать. К тому же ты сможешь покататься на пони и посмотреть на павлина, цесарку и прочую живность. Ну же, мадам, позвольте мне вас уговорить. Занятия в школе начинаются через три недели. Так давайте выберем день.

– Да, мама, пожалуйста! – произнес Эдвард.

– Я не готова наносить визиты, – возразила миссис Браун, но от внимания детей не ускользнула прозвучавшая в ее голосе нерешительность, и у них в душе пробудилась надежда, что мистер Бакстон все же сумеет настоять на своем.

– Поверьте мне, это не так! Именно потому, что не наносите визитов, вы пребываете в подавленном настроении. Небольшая смена обстановки пойдет вам лишь на пользу. К тому же ради благополучия детей вам не стоит жить так уединенно: им нисколько не повредит увидеть мир.

Миссис Браун была очень признательна мистеру Бакстону за то, что он предоставил ей благовидный предлог прислушаться к своему желанию и принять его приглашение. Так что «ради благополучия детей» она согласилась, но при этом вздохнула так, словно ей пришлось принести огромную жертву.

– Что ж, хорошо, – кивнул мистер Бакстон. – А теперь давайте выберем день.

Было решено, что они нанесут ему визит ровно через неделю, и, еще немного поговорив о школе, куда определяют Эдварда, пошутив относительно примечательной внешности Мэгги и спросив, не согласится ли она пожить у него, если понадобится горничная, мистер Бакстон откланялся и ушел.

Его визит стал для Браунов настоящим событием, и в тот день они больше не предпринимали попыток вновь взяться за свои привычные дела. Прежде всего в гостиную пригласили Нэнси, чтобы обсудить предстоящий визит. Эдвард все еще пребывал в неуверенности относительно того, нравится ли ему перспектива поступления в школу, поэтому сильно оскорбился на замечание старой служанки, которая не преминула высказаться после того, как она услышала о планах своей госпожи:

– Давно пора! Его там научат знать свое место, о котором он и прочие дома забывают, потому что им во всем потакают.

После этого женщины принялись обсуждать, как его надлежит одеть, а затем завели разговор о предстоящем визите в дом мистера Бакстона, о котором миссис Браун упоминала с неохотой, словно пребывала в нерешительности и испытывала чувство вины от того, что ей снова придется выйти в свет. Однако Нэнси одобрила ее решение, то и дело приговаривая: «Все правильно, так и должно быть, и это хорошо для детей».

– Да, я сделала это ради них, – кивнула миссис Браун.

– А сколько детей у мистера Бакстона? – поинтересовался Эдвард.

– Сын, которого, кажется, зовут Фрэнк, но ты должен называть его «мастер Бакстон».

– А кто же тогда эта маленькая девочка, что всегда сидит вместе с ними в церкви? – спросила Мэгги.

– Это мисс Харви, его племянница и наследница огромного состояния.

– Говорят, он так и не простил ее мать, – заметила служанка.

– Все это пустые разговоры, Нэнси! – возразила миссис Браун, хотя сама и рассказала об этом служанке, но то было до визита мистера Бакстона. – Думаешь, сестра назначила бы его опекуном своей дочери, если бы они были в плохих отношениях?

– Ну... не знаю. По крайней мере в округе болтают так. А еще он ужасно разозлился на мистера Харви без всякой на то причины и даже с ним не разговаривал.

– Он был очень любезен и приветлив, – возразила Мэгги.

– Да я ведь и не спорю: в целом он очень хороший и добрый человек, – но у него есть свои причуды. И уж коль что-то взбредет ему в голову, то он об том не забудет. Ой, да у меня же пироги подгорают, а я тут с вами болтаю!

Нэнси поспешила на кухню, а миссис Браун позвала Мэгги наверх решить, какая одежда потребуется Эдварду. Поднявшись в свою комнату, миссис Браун примерила черное атласное платье, которое считала парадно-выходным с того самого дня, как вышла замуж, и которое вознамерилась надеть в день визита в Комбхерст вместо старого, изрядно изношенного бомбазинового.

– Миссис Бакстон – настоящая леди, – пояснила миссис Браун, – и я должна выглядеть достойно.

– Я не знала о существовании миссис Бакстон, – сказала Мэгги, – и никогда не видела ее в церкви.

– Просто она очень слаба здоровьем и никогда не выходит из дому. Помню, ее служанка как-то говорила, что госпожа даже собственной спальни не покидает.

Семья Бакстон неизменно была предметом всех разговоров между миссис Браун и ее детьми на протяжении всей следующей недели, но по мере приближения знаменательного дня Мэгги испытывала все более сильное желание остаться дома: слишком уж пугал ее предстоящий визит в дом мистера Бакстона. Эдвард же, напротив, осмелел при мысли о новой одежде, заказанной по такому случаю, которую он мог потом носить и в школе. Вспомнив слова местного vicar: «Ничто не делает женщину леди так, как платье из черного атласа», – миссис Браун немного приободрилась, но тут же опять впала в уныние, обнаружив, что ее выходное платье износилось на рукавах и потому совершенно не подходит для визита к мистеру Бакстону. И все же ради своих детей она была готова на многое.

По окончании долгого, наполненного разнообразными заботами дня Нэнси села за шитье, вдруг осознав, что из-за всех этих приготовлений никто не вспомнил о Маргарет, и, употребив все свое влияние на хозяйку (которая ее любила, побаивалась и полностью от нее зависела), получила от нее старое платье, распоролла, выстирала и отчистила, чтобы затем сшить новое, пусть и немного старомодного фасона. Но при этом оно выглядело таким хорошеньким, что, когда Мэгги его надела, миссис Браун прочитала дочери строгую нотацию о том, что следует бережно относиться к такому красивому платью, совершенно позабыв, что еще недавно считала то, из которого оно было перешито, поношенным и никуда не годным.

Глава 2

Наконец все нарядились и отправились в гости. Нэнси стояла на крыльце и, прикрывая глаза ладонью, смотрела, как мать с детьми поднимается по поросшему вереском склону, ведущему в Комбхерст.

Как бы ей хотелось, чтобы мать хоть иногда брала Мэгги за руку, дабы девочка могла ощутить тепло материнской ладони! Может, так и будет, когда мастер Эдвард уедет в школу.

По дороге миссис Браун объяснила детям некоторые правила хорошего тона и этикета.

– Мэгги, ты должна держать спину очень прямо. И постарайся не горбиться. Если я кашляну, значит, что-то не так. Я буду кашлять всякий раз, когда увижу, что ты что-то делаешь неправильно, и глаз с тебя не спущу. Ты тоже веди себя хорошо, Эдвард. Если мистер Бакстон предложит, можешь выпить пару глотков вина: ведь ты же мальчик, – но, прежде чем выпить, не забудь сказать: «Ваше здоровье, сэр».

– Вообще-то я предпочел бы обойтись без вина, – возразил мальчик.

– Не говори глупости, дорогой. Ты ведь хочешь стать настоящим джентльменом?

Эдвард что-то пробормотал себе под нос, и миссис Браун продолжила:

– И, конечно, даже не думай просить добавки более двух раз. Этикет позволяет есть не больше двух порций, будь то мясо или пудинг. Можно съесть меньше, ни никак не больше.

– О, мама! Как красив шпиль Комбхерста на фоне темного облака! – воскликнула Мэгги, когда впереди показались очертания города.

– Тебе не должно быть никакого дела до шпиля, когда я с тобой разговариваю. Я из сил выбиваюсь, объясняя, как себя следует вести, а ты разглядываешь облака и прочую чепуху. Мне очень за тебя стыдно.

И хотя Мэгги проделала остаток пути молча, миссис Браун сочла себя слишком обиженной, чтобы продолжать лекцию о благопристойном поведении. Мэгги могла бы попросить ее об этом трижды, если б захотела, но мать упорно не обращала на нее внимания.

Они пришли в город довольно рано и, приблизившись к мосту, встретили высокого симпатичного мальчика, державшего под уздцы красивого шотландского пони с дамским седлом. Он подошел к миссис Браун и вежливо произнес:

– Папа подумал, что ваша маленькая дочка устанет, и попросил привести для нее пони моей кузины Эрминии. Он очень спокойный, не беспокойтесь.

Миссис Браун раздосадовали слова мальчика, поскольку она уже решила, что Мэгги впала в немилость. Отказаться от любезного предложения мистера Бакстона она не могла, но зато постаралась приложить все силы к тому, чтобы испортить дочери радость от поездки верхом, бросая на нее недобрые взгляды, а если обращалась к ней, то сурово и холодно, отчего маленькое сердечко Мэгги болезненно сжималось, лишая ее удовольствия. Напрасно Фрэнк Бакстон пытался заставить пони бежать быстрее: девочка ни разу не улыбнулась и выглядела наспуленной и печальной.

Маленькая зануда! – решил мальчик, но, будучи хорошо воспитанным, вел себя с новой знакомой любезно и обходительно.

Наконец они добрались до дома мистера Бакстона, располагавшемуся на главной улице, к парадному входу которого вела широкая лестница. По обе стороны от входа фасад украшали широкие окна с каменными наличниками. Это был особняк весьма внушительного вида, и по сравнению с ним соседние коттеджи казались совсем крошечными, хотя, конечно, в подобных сравнениях не было нужды.

Гости вошли внутрь и оказались в просторном холле с выложенным черными и белыми плитамы полом, где даже в такой жаркий июльский день царила приятная прохлада. Вдоль стен стояли старинные оттоманки и огромные причудливые кувшины из китайского фар-

фора, наполненные ароматическими смесями. После залитой ослепляющим солнечным светом улицы полумрак холла стал настоящим отдохновением для глаз, а необходимый свет и жизнерадостность ему придавал сад, куда вели высокие распахнутые двери. Клумбы, пестревшие разнообразием цветов: здесь розы соседствовали с душистым горошком и алыми маками, – выгодно оттеняли утопавший в прохладном полумраке холл.

Все в этом жилище свидетельствовало о богатстве, которое накапливалось поколениями и представало взорам входивших сюда гостей в какой-то спокойной, величественной и ненавязчивой манере. Предки мистера Бакстона были йоменами, но два-три поколения назад вполне могли бы стать частью сельской знати, если бы обладали чуть большим честолюбием, поскольку принадлежавшая им недвижимость значительно подскочила в цене, а капитал увеличился в несколько раз. Однако они так и продолжали жить на старой ферме до тех пор, пока дед нынешнего мистера Бакстона не построил дом в Комбхерсте, о котором я веду речь. Построил и устыдился собственного порыва, поскольку ему казалось, что он дерзнул выйти за рамки своего положения. Они с женой обитали в основном на прекрасной просторной кухне, и лишь после женитьбы их сына остальные помещения были наконец обставлены мебелью.

И все равно, пока были живы старики, молодые супруги держали ставни закрытыми, а мебель нераспакованной, хотя при этом с гордостью дополняли убранство дома богатыми украшениями и великолепным старинным фарфором. Зато когда старики умерли, мистер и миссис Бакстон (которым тогда было пятьдесят один год и сорок пять лет соответственно) смогли наконец развернуться, хотя им хватило здравого смысла выждать некоторое время, прежде чем полностью изменить убранство дома. Мало-помалу комнаты все-таки приобретали обжитой вид, и сын и дочь росли, наслаждаясь богатством и изысканностью окружавшей их роскоши. Впрочем, до поры семья скромно держалась в тени, не желая ничем выделяться среди жителей графства. Лоренс Бакстон пошел в ту же школу, где когда-то учился его отец, однако мысль о продолжении образования в колледже была, по некотором размышлении, отвергнута. Со временем он последовал примеру отца и женился на очаровательной девушке из благородного, но обедневшего семейства графства, и та родила ему единственного сына, прежде чем ее здоровье начало стремительно ухудшаться.

Сестра Лоренса Бакстона вышла замуж за обладателя прескверного характера и довольно быстро овдовела. Все вокруг полагали, что смерть мужа стала для нее настоящим благословением, но она любила его, несмотря на отвратительное отношение к ней и множество других, гораздо более серьезных недостатков, и потому ненамного его пережила и скончалась, оставив свою маленькую дочь на попечение брата, а перед смертью взяв с него слово, что он никогда не будет говорить дурно о покойном отце девочки. Таким образом, маленькая Эрминия поселилась в доме терзавшегося угрызениями совести дяди, который не мог себе простить, что жестоко обошелся с собственной сестрой, прервав с ней всяческое общение в тот самый день, когда был заключен этот несчастливый брак.

– Где Эрминия, Фрэнк? – спросил мистер Бакстон поверх плеча Мэгги, которую до сих пор держал за руку. – Я хочу отвести миссис Браун к твоей матери, а Эрминию попросил быть дома, чтобы встретить нашу маленькую гостью.

– Давай провожу ее к Минни: думаю, она в саду – и сейчас же вернусь. – Он повернулся к Эдварду. – Мы пойдем смотреть кроликов.

Фрэнк и Мэгги покинули великолепную просторную комнату, наполненную всевозможными диковинными вещицами и книгами, и вышли в залитый солнцем и благоухающий ароматами цветов сад, раскинувшийся позади дома.

По одной из дорожек, обрамленных живой изгородью из роз, медленно шла маленькая, похожая на эльфа девочка с длинными золотистыми локонами и личиком, напоминавшим своим оттенком лепестки чайной розы. На фоне пронзительно голубого летнего неба она пока-

залась Мэгги настоящим ангелом. Увидев брата с гостьей, она не ускорила, но и не замедлила шаг, а продолжила идти все так же легко, немного подпрыгивая.

– Поторопись, Минни, – окликнул кузину Фрэнк, однако девочка остановилась понюхать розу.

– Можешь не оставаться со мной, – тихо заметила Мэгги, хотя все так же держала Фрэнка за руку и совершенно не ощущала со стороны похотей на эльфа девочки сердечности или дружелюбия.

Мальчик с благодарностью посмотрел на гостью и поспешил вернуться к Эдварду.

Увидев, что Мэгги осталась одна, Эрминия прибавила шагу. Еще некоторое время девочки попросту не знали, как начать разговор. Минни была не понаслышке знакома с богатством и тщеславием, и потому сразу разглядела, что платье новой знакомой перешито из старого коричневого шелка, но тщательно отстиранного и выглаженного. К тому же, обладая очень приятным серебристым голоском, Мэгги растягивала слова в присущей Нэнси простоватой манере. Ее волосы, коротко подстриженные, соответствовали моде, а грубые башмаки на толстой подошве тяжело стучали при ходьбе. Эрминия держалась покровительственно и снисходительно, решив, что для такой гостии этого достаточно, и Мэгги ощущала себя не в своей тарелке. Этот визит обещал стать скорее почетным, нежели приятным, и ей очень захотелось вернуться домой.

Настало время обеда, но миссис Бакстон осталась в своей комнате, зато мистер Бакстон был чрезвычайно сердечен, весел и так настойчив, что даже немного пожурил Мэгги, когда она отказалась съесть третью порцию его любимого пудинга. Однако девочка помнила слова матери и обещание не спускать с нее глаз, поэтому держалась довольно чопорно, словно потеряла свою привычную очаровательную непосредственность. Ей показалось, что и мальчики чувствовали себя не менее скованно в обществе друг друга, как и они с мисс Харви, и, вероятно, именно это чувство объединило детей после обеда.

– Давайте пойдем качаться на качелях, – произнес Фрэнк после недолгих раздумий, и дети дружно побежали в сад.

Мальчик предложил Эдварду покачать девочек, и некоторое время все шло довольно хорошо, но вскоре Эдвард решил, что с Мэгги достаточно удовольствий и теперь пришла его очередь качаться. Девочка беспрекословно освободила качели, но Эрминия заупрямилась:

– Тебе что, не нравится качаться?

– Нравится, но Эдварду тоже хочется.

Эдвард тотчас же занял освободившееся место, но Фрэнк отвернулся, не желая его раскачивать, и это пришлось делать Мэгги. Она старалась изо всех сил, но Эдвард оказался для нее слишком тяжел и качели никак не желали сдвинуться с места. Обругав сестру за то, что не смогла ему помочь, Эд так резко спрыгнул на землю, что деревянное сиденье с силой ударило Мэгги по лицу, повалило на землю. Когда девочка поднялась, ее губы дрожали от боли, но она не проронила ни слезинки. Лишь с беспокойством осмотрев собственное платье, на котором зияла огромная дыра, она вдруг расплакалась от страха: что теперь скажет мама?

– Тебе больно? – с сочувствием спросила Минни. – О, у тебя щека распухла! Какой же твой брат грубый и злой!

– Я не знала, что он спрыгнет. Но мне не очень больно, а вот мое красивое новое платье безнадежно испорчено. Мама будет очень недовольна.

– Это новое платье? – усмехнулась девочка.

– Для меня – да. Нэнси не спала несколько ночей, чтобы его сшить. О, что мне теперь делать?

Маленькое сердечко хозяйки смягчилось при виде такой вопиющей бедности. Считать лучшим платье, сшитое из старого! Обняв новую знакомую за шею, она предложила:

– Идем со мной в гардеробную. Доусон даст нам немного шелка, и я помогу тебе зашить платье.

– Добрая маленькая Минни! – похвалил Фрэнк, а Эд надул губы и отвернулся.

Думаю, в тот день теплого общения у мальчиков так и не случилось, ибо впоследствии Фрэнк сказал матери: «Эд мог хотя бы извиниться, но это самый настоящий деспот: постоянно обижает свою сестренку, похожую на маленькую бурую мышку».

Минни и Мэгги вошли в гардеробную миссис Бакстон в обнимку: несчастье сблизило девочек. Хозяйка дома лежала на диване в домашнем халате из муслина. Ее кожа и весь облик были такими бледными и лишенными красок, что Мэгги, увидев леди с закрытыми глазами, испуганно вздрогнула, решив, что та умерла. Но миссис Бакстон открыла свои большие поблекшие глаза, подозвала девочек к себе и, с интересом выслушав их рассказ, пояснила:

– Доусон пьет чай. Загляни в мою шкатулку с рукоделием, Минни: там найдется немного шелка. А ты, милая, сними свое платье и подай его мне. Я посмотрю, что можно сделать.

– Тетушка, – шепотом сказала девочка, – позвольте подарить ей одно из моих платьев: ведь ее такое старое.

– Нет, любовь моя. Потом объясню почему, – покачала головой миссис Бакстон.

Она осмотрела прореху и аккуратно разложила платье, чтобы девочки могли ее залатать. Минни помогала своей новой подруге с готовностью и удовольствием. Девочки сидели на полу, и миссис Бакстон невольно подумала, как хорошо они смотрятся вместе: златокудрая с фарфоровой кожей Эрминия в своем бледно-голубом платье и Мэгги с округлыми белыми плечиками, выглядывавшими из сорочки, с гладкими и блестящими, точно ореховая скорлупа каштановыми волосами, длинными черными ресницами, подобно вееру опускавшимися на нежные бархатистые щечки, и ясными, миндалевидной формы темно-серыми глазами. Она могла бы показаться утонченной и хрупкой, если бы не ярко-алые губы, свидетельствующие об отменном здоровье. На фоне темно-красных штор, закрывавших окно, эти две маленькие фигурки прекрасно смотрелись вместе.

Вскоре в гардеробную поднялась Доусон: эту важную пожилую служанку Минни боялась больше, чем собственную тетю, – и по просьбе миссис Бакстон быстро закончила начатую девочками работу.

– Мистер Бакстон пригласил на чай нескольких подруг твоей мамы, поскольку я не могу спуститься вниз, но думаю, Доусон, что эти девочки могут попить чай у меня в комнате. Можете вести себя тихо, мои милые, или вам будет слишком скучно?

Девочки с готовностью приняли приглашение. Минни принялась на все лады давать обещания вести себя тихо, и так старательно ходила на цыпочках, что миссис Бакстон попросила ее этого не делать, поскольку малышка производила гораздо больше шума, чем если бы ходила в башмаках. Для Мэгги эта часть дня стала самой счастливой. Что-то в ее душе настолько перекликалось с милой и сдержанной мягкостью манер миссис Бакстон, что они на удивление хорошо понимали друг друга. Они были словно старые друзья, и Мэгги, всегда такая замкнутая дома, потому что никто ее не слушал, внезапно разоткровенничалась и рассказала миссис Бакстон и Минни, как обычно проходит ее день, описала собственный дом.

– Как странно! – воскликнула девочка. – Я ездила в ту сторону, но ваш дом никогда не видела.

– Он похож на жилище Спящей красавицы: можно ходить вокруг него и не видеть, – но если пройти проложенной стадом овец тропой, которая заканчивается у серой скалы, то окажешься в двух шагах от дымоходов, но даже не обратишь на них внимания. Думаю, вам там очень понравилось бы. Вы там бывали, мэм?

– Нет, милая, – ответила миссис Бакстон.

– Но хотите побывать?

– Боюсь, я больше уже никогда не смогу выйти из дому, – со вздохом сказала миссис Бакстон, но в ее тихом голосе не слышалось трагических ноток.

Мэгги показалось, что ей грустно, поэтому она взяла низкую табуреточку, поставила рядом с диваном и осторожно взяла руку миссис Бакстон в свою.

А вот миссис Браун в гостиной внизу, напротив, была преисполнена гордости и счастья. Мистер Бакстон без конца отпускал шутки, которые непременно приелись бы гостям из-за многократного их повторения, если бы не его жизнерадостность и добродушие. Ему нравилось, чтобы всем было весело, он быстро понимал, чего от него ожидают, и вел себя соответствующим образом. Он восседал за столом, подобно королю (ибо за исключением приходского священника в Комбхерсте больше никто не занимал столь высокое положение), в окружении нескольких дам, которые весело смеялись над его шутками и, очевидно, думали, что миссис Браун удостоилась невероятно высокой чести быть приглашенной не только на чай. Вечером к парадному подали экипаж, и кучеру было приказано отвезти гостей домой. При прощании хозяин дома и его гостя обменялись загадочными рукопожатиями, в результате которых в руке миссис Браун оказалась записка, содержащая несколько сухих строк, касавшихся Эдварда (она смогла их прочитать в лившемся из окон дома свете).

Когда гости уехали, вся семья собралась в комнате миссис Бакстон обменяться впечатлениями о прошедшем дне и новых знакомых.

– Добрая миссис Браун невероятно скучна, – с зевком заметил мистер Бакстон. – Что неудивительно, ведь она живет в такой дыре. Однако, я думаю, она прекрасно провела время. Пожалуй, мы можем время от времени приглашать ее на чай, ради памяти Брауна. Какой хороший был человек!

– Мне совсем не понравился Эдвард, – высказал свое мнение Фрэнк. – Прошу, не приглашайте его больше к нам, пока я дома. Он самовлюбленный эгоист, настоящий сноб. Мама, я знаю, что означает этот твой взгляд: да, я тоже иногда веду себя не лучшим образом, но меня никак нельзя назвать снобом.

– Зато малышка Мэгги очень милая, – сказала Минни. – Как жаль, что у нее нет нового платья! Как она расстроилась, когда порвала свое перешитое из старого!

– Да, она действительно очень милая! Даст Бог, братец не сломит ее дух окончательно. Хорошо, что он скоро уедет в школу.

Узнав, где Мэгги пила чай, миссис Браун почувствовала себя уязвленной. Ведь сама она провела в обществе миссис Бакстон всего час перед обедом. Ей было непонятно, почему хозяйка дома уединилась в своей спальне и изображает неизлечимо больную, хотя при этом вполне способна терпеть присутствие вечно шумящих детей. Видимо, будучи внучкой сэра Генри Биддальфа, она считала себя вправе потакать собственным капризам, вместо того чтобы сидеть во главе стола и потчевать гостей чаем, как и подобает приличной хозяйке дома. Бедный мистер Бакстон! Как, должно быть, скучна и печальна жизнь этого веселого и жизнерадостного мужчины рядом с такой женой! Хорошо, что иногда у него есть возможность проводить время в приятном обществе. Миссис Браун показалось, что он был несказанно рад оказаться среди друзей, поскольку больная жена наверняка нагоняла на него уныние.

Но если бы в этот самый момент миссис Браун вдруг стала ясновидящей, то увидела бы, как мистер Бакстон нежно растирал руки жены, в глубине души удивляясь и недоумевая, как эта святая женщина могла полюбить такого мужлана, и каким-то непостижимым образом стать для него настоящим благословением. Все это говорит лишь о том, как мало мы знаем об истинном положении дел внутри семейств, к которым ходим в гости в качестве близких друзей.

Мэгги было невыносимо слышать пренебрежительные высказывания матери об этой чудесной больной леди.

– Мама! Я уверена, что она действительно очень больна. У нее такие бледные губы, а руки – сухие и горячие.

– Ты что, держала миссис Бакстон за руку? Где твои манеры? Дерзкое маленькое создание, не думай, что ты умнее взрослых. И не надо убеждать меня, что миссис Бакстон больна, раз она способна выносить присутствие шумных детей.

– Шайка заговорщиков, а хуже всех Фрэнк Бакстон, – заявил Эдвард.

Сердце Мэгги сжалось, когда она услышала, как холодно и недобро отзываются мама и брат о ее новых друзьях, приложивших все силы к тому, чтобы сделать их визит приятным. Девочка никогда прежде не ходила в гости и не знала, что перемывать косточки тем, с кем совсем недавно мило общался, обычное дело, и теперь нелестные высказывания матери причиняли ей боль. А еще она чувствовала себя немного подавленно от того, что никогда больше не увидит миссис Бакстон и чудесную Эрмению. Речи о повторном визите к Бакстонам не шло, и она полагала, что ей не стоит и надеяться, что такое когда-нибудь случится. Мэгги чувствовала себя героем сказки «Тысяча и одна ночь», который успел лишь мимолетно взглянуть на великолепные драгоценности волшебной пещеры, прежде чем вход в нее закрылся навсегда.

Девочка попыталась припомнить убранство дома. Тяжелые портьеры в каждой комнате были разного цвета: темно-синего, глубокого красного и теплого коричневого, – что поражало воображение, поскольку окна ее дома украшали скромные занавески из пестрого ситца. А еще ей никогда не приходилось видеть анфилады комнат, переходивших из одной в другую и словно растворявшихся вдали подобно утопавшим в полумраке сводам церкви. Но более всего ей хотелось вспомнить лицо миссис Бакстон, и Нэнси пришлось, наконец, отложить свою работу и подняться наверх, чтобы немного утешить бедную девочку, расплакавшуюся при мысли о скорой кончине милой и доброй леди, которую она никогда больше не увидит. Старая служанка любила девочку всем сердцем и ничуть не ревновала при виде ее восхищения незнакомой дамой. Она слушала рассказ любимицы о надеждах и страхах до тех пор, пока рыдания не стихли и пока проникший в комнату лунный свет не посеребрил ее опущенные веки.

Глава 3

Спустя три недели наступил день отъезда Эдварда. Большой пирог и упаковка имбирных пряников немного скрасили грусть, охватившую его при мысли о прощании с отчим домом.

– Не плачь, Мэгги! – сказал он ей в утро своего отъезда. – Видишь, я же не плачу. Скоро Рождество, и, думаю, я найду время, чтобы иногда тебе писать. Нэнси добавила в пирог лимон?

Мэгги очень хотелось пойти с матерью в Комбхерст, чтобы проводить Эдварда, но этого не случилось. Она шла за ними с непокрытой головой столько, сколько разрешила мама, а потом опустила на валун и долго-долго смотрела им вслед. Услышав тихий стук копыт лошади, мягко ступавшей в высоких зарослях вереска, она вздрогнула от неожиданности. Это был Фрэнк Бакстон.

– Отец подумал, что миссис Браун хотелось бы взглянуть на Вудчестер-Геральд. Эдвард уехал? – спросил мальчик, заметив написанную на лице Мэгги печаль.

– Да, только что спустился с холма к экипажу. Думаю, ты скоро увидишь, как он проходит по мосту. Я так хотела пойти с ним! – с тоской глядя в сторону города, заметила девочка.

Фрэнку стало жаль эту малышку, оставшуюся в одиночестве смотреть вслед брату, об отъезде которого она, как ни странно, очень жалела. Он немного помолчал, потом произнес:

– Когда мы виделись в прошлый раз, тебе понравилось кататься верхом. Хочешь прокатиться еще раз? Рода очень спокойная и послушная. Если, конечно, тебе удастся сесть в мое седло. Смотри! Я укорочу для тебя стремя. Ну вот. Какая смелая девочка! Я поведу лошадь очень осторожно. И почему Минни не осмеливается ездить без дамского седла? Вот что я тебе скажу: буду привозить вам газету каждую среду до тех пор, пока не начнутся занятия в школе, и ты сможешь кататься верхом. Жаль только, что у нас нет дамского седла для Роды. Или же, если Минни позволит, я приведу сюда Абдель-Кадра, того пони, на котором ты каталась в прошлый раз.

– Но разрешит ли мистер Бакстон? – спросила Мэгги, трепеща от радости, но в то же время немного побаиваясь.

– Отец? Конечно. С этим у нас порядок.

Мэгги была немного озадачена словами мальчика и поинтересовалась:

– Когда ты поедешь в школу?

– В конце августа. Точного дня не знаю.

– А Эрминия будет посещать школу?

– Нет. Хотя ей, наверное, придется, если маме не станет лучше.

Мэгги понравилось, как изменился голос Фрэнка, когда он заговорил о матери.

– Приехали, маленькая леди! А теперь прыгай. Отлично! Силы духа тебе не занимать, храбрая бурая мышка.

На лице появившейся из дома Нэнси отразилось удивление.

– Это мистер Фрэнк Бакстон, – пояснила Мэгги, представляя служанке своего друга. – Он привез маме газету.

– Зайдете в дом, сэр, чтобы немного передохнуть? А я пока привяжу вашу лошадь.

– Нет, благодарю вас, – вежливо отказался мальчик. – Мне нужно ехать. Будь готова к прогулке в следующую среду, мышка. Не забудь. – С этими словами он вскочил в седло и послал лошадь в галоп.

Нэнси потребовалось немало усилий, чтобы обеспечить своей любимице это удовольствие, хотя мне и непонятно, почему прогулки верхом пришлись миссис Браун не по душе. Ведь дети катались вокруг небольшого холма, который было прекрасно видно из дому. А если уж кому-то вздумалось бы за ними присмотреть, стоило лишь подняться на его вершину. Благодаря этим прогулкам Фрэнк и девочки очень сдружились. Мальчика радовало и удивляло

бесстрашие Мэгги, поначалу показавшейся ему очень пугливой и застенчивой, но еще задолго до окончания каникул он понял, что смелой она была только с ним. Было заметно, как она съезживается от особенного взгляда и интонации матери, которые он быстро научился распознавать. Фрэнк очень невзлюбил миссис Браун, несмотря на то что она всегда пыталась к нему подольститься и заискивающе улыбалась.

О результатах своих наблюдений он сообщил матери, и та передала через него вежливое, но вместе с тем сдержанное послание, в котором говорилось, что она была бы очень благодарна миссис Браун, если бы та позволяла Мэгги время от времени ездить верхом в сопровождении грума, который будет доставлять по средам газеты вместо Фрэнка (он вскоре должен был уехать в школу) и проводить остаток этого дня с Эрминией. Миссис Браун дала свое согласие, польщенная оказанной ей честью, но вместе с тем раздосадованная тем, что о ней самой даже не упомянули. Когда Фрэнк попрощался и уехал, она повернулась к дочери.

– Не вздумай вообразить, будто эти люди приняли тебя в свой круг. Просто это их способ проявить уважение ко мне и твоему покойному отцу. Но имей в виду, что по четвергам тебе придется работать вдвое больше, поскольку в среду ты намерена развлекаться.

Мэгги внезапно залилась румянцем, и ее маленькое сердечко затрепетало от радости. Она почти не горевала из-за отъезда своего доброго друга Фрэнка, поскольку ее переполняло волнение от предстоящей встречи с его матерью, которая странным образом ассоциировалась в ее снах и мечтаниях с неподвижными мраморными изваяниями, которые сложив в молитве руки, возвышались над каменными надгробиями возле церкви Комбхерст. Вся неделя была преисполнена счастливого предвкушения, хотя Мэгги боялась, что ее радость вызывает у матери раздражение, и потому не говорила ей о предстоящем визите в Комбхерст, а по вечерам не засыпала, чтобы дожидаться Нэнси и поведать ей подробности – реальные или вымышленные – своих прошлых и будущих встреч с миссис Бакстон. Старая служанка слушала с интересом и даже обзавелась привычкой представлять будущее с такой же легкостью и простодушием, как и ее маленькая подопечная.

– Представь на минуту, Нэнси, просто представь, что она действительно умерла. Нет, не по-настоящему, а впала в нечто вроде забытья. Она и правда показалась мне мертвой, когда я увидела ее в первый раз. Так вот, если бы такое случилось, я бы ни за что от нее не ушла: сидела бы рядом и наблюдала за ней.

– Но в таком случае ее губы не изменили бы цвет, – заметила Нэнси.

– Да, я помню: ты мне об этом говорила, – и я бы смотрела на них и смотрела – очень пристально, изо всех сил постаравшись не заснуть.

– На такой случай было бы неплохо проделать в гробу отверстия для воздуха, – сказала Нэнси, но, почувствовав, как девочка прижалась к ней, услышав этот мрачный совет, решила сменить тему разговора. – Или, допустим, мы узнали бы, что есть такой доктор, который может заговором излечить любую болезнь. В дни моей юности так лечили, но не думаю, что такие лекари есть и сейчас. Пегги Джексон, которая жила неподалеку от нас, когда я была совсем ребенком, заговором вылечили от чахотки.

– Что такое «чахотка», Нэнси?

– Это когда человек чахнет, высыхает на глазах. Ни еда, ни вода не дают ему сил. Он все худеет и худеет, до тех пор пока от него не останется одна оболочка, которая даже тени не отбрасывает в солнечный день. Так вот лекарь быстро поставил ее на ноги с помощью заговора.

– О, если бы только мы могли его отыскать!

– Так он давно умер, дитя мое. И Пегги тоже.

В своем воображении Мэгги бродила по вересковой пустоши и спускалась по загадочным холмам, видневшимся в отдалении, где, как ей представлялось, обитали диковинные звери и странные существа, до тех пор, пока не погрузилась в сон.

Эти необычные мысли и видения стали порождением ее жизни в уединении. Теперь, когда Эдвард уехал в школу, ей стало совсем одиноко. В доме не хватало его громкого веселого голоса и производимого им шума. Дел тоже поубавилось, поскольку домочадцам не нужно было удовлетворять его многочисленные просьбы и желания. Мэгги продолжала заниматься шитьем, сидя на своем любимом сером валуне, но заканчивала работу очень быстро, поскольку некому было ее отвлекать. Мэгги взяла за правило подниматься вверх по крутой каменистой тропе позади дома, скорее напоминавшей вырубленную в камне лестницу, что вела на обширную вересковую пустошь. Неподалеку от тропы рос терновый куст – пожалуй, единственный на много миль вокруг, – где овцы прятались от непогоды или полуденного зноя. Повсюду на земле виднелись круглые отпечатки копыт, а на нижней части стеблей висели пучки шерсти, словно подношения паломников в святилище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.